

А.В. Рябов. Первое, что хотел сказать. Постараюсь говорить тезисами, чтобы не затягивать свой доклад. В отличие от доминировавшего сегодня мнения о том, что постсоветского пространства нет, оно распадается, я попытаюсь отстоять другую точку зрения, что оно еще существует. Эта позиция основана на схожести внутривнутриполитических процессов, несмотря на различия в политических и экономических системах.

Начиная с 90-х годов, исследователи привыкли рассматривать внутривнутриполитическое развитие только по одной шкале координат, которую можно обозначить как «авторитаризм – демократия» и соответственно располагать все государства по этой линейке. Действительно в самом примитивном виде такого рода линейку можно представить с двумя полюсами: на одном из них – электоральная демократия Молдова, а на другом, - едва-едва выходящий из султанистского, в терминологии Хуана Линца, режима Туркменистан, потихонечку все-таки дрейфующий в сторону жесткого неоавторитаризма. Конечно, можно спорить по этой стране, но все-таки определенное движение в этом направлении есть. Сегодняшний режим Бердымухаммедова все же отличается от того классического султанизма, который существовал в Туркменистане до 2006 года.

А между этими полюсами располагаются все остальные страны, Существует такое разнообразие всевозможных классификаций, характеристик политических режимов в постсоветских государствах, что их простое перечисление потребует отдельного доклада. Поэтому я не хотел бы рассматривать этот вопрос. Но обратил бы внимание вот на какую деталь. В литературе доминирует представление о том, что на постсоветском пространстве есть три демократии. Одна уже сформировавшаяся электоральная демократия - Молдова, и две активнодвигающиеся к демократии страны – Украина и Грузия. А далее расположено пространство консолидированных и полуконсолидированных авторитарных режимов.

Где-то между демократиями и авторитаризмами «зависает» Киргизия, которая вроде бы, с одной стороны, неконсолидированный или полуконсолидированный авторитаризм. А с другой стороны, эта страна все же движется, хотя и с зигзагами, в направлении электоральной демократии. Но одновременно Киргизию и вовсе нередко называют failed state или почти failed state, то есть единой оценки политического режима в этой стране, нет.

Впрочем, бывают и другие подходы. Меня поразил, например, последний доклад не очень любимой у нас организации, но в то же время авторитетной в своей области –

Freedom house report за 2016 год, который вообще не фиксирует ни одной демократии на постсоветском пространстве. Ибо все три страны – Молдова, Украина и Грузия отнесены авторами к группе государств с переходными правительствами и гибридными режимами, что вовсе совсем никак не демократия.

Как мне думается, этот путь – попытка измерить внутривнутриполитическое развитие в одной плоскости «авторитаризм-демократия», не то, что контрпродуктивен, он ограничен. Потому что одна из ключевых проблем, как соотносятся демократизация и модернизация в процессе этого развития, тут никак не рассматривается. Конечно, если не оставаться на позиции 90-х годов, эти понятия расценивались чуть ли не как тождественные. Тогда было принято считать, что где демократизация – там и модернизация, что демократизация порождает модернизацию. В широком смысле слова это правильно, но на небольшом историческом отрезке все оказывается гораздо сложнее.

Реалии нулевых опровергли эту упрощенную схему. Так, Молдова, самая продвинутая с точки зрения демократизации страна, по уровню экономического развития, по объему ВВП, по качеству жизни находится на одном из самых последних мест в Европе, рядом с Македонией и Албанией. А авторитарный Казахстан долгое время считался одним из лидеров модернизации на постсоветском пространстве. Очевидно, что рассмотренная выше линейка никак не годится, чтобы это объяснить. Она ничего ровным счетом не дает. Линейка, на мой взгляд, только позволяет поставить вопрос: а почему при доминировании авторитаризма на постсоветском пространстве, все же есть страны, которые решили двигаться путем демократизации? Почему эти три, а может быть, и четыре государства, включая Киргизию, которая непонятно – то ли это полуконсолидированный авторитаризм, то ли это failed state, то ли нарождающаяся демократия, почему они отделились от этого общего авторитарного мейнстрима? Думается, причины невозможно свести к одному знаменателю. Они разные, но все-таки иногда пересекаются. Так, скорее всего, общее у двух стран Молдовы и Грузии, заключается в том, что у них есть давнишний конфликт с Россией, который заставил их искать себе другую геополитическую точку опоры в лице Запада. У Грузии – более острый и глубокий. У Молдовы – ситуация выглядит существенно мягче, но природа ее та же. Я думаю, что в итоге конфликта на востоке Украины, это стало справедливо и для нее. А попытка опереться на Запад предполагает и необходимость принять его систему ценностей и институты.

Другая причина – деноменклатуризация политики, то есть выдавливание из нее представителей прежней паптийно-хозяйственной номенклатуры. По большому счету это произошло только в одной стране – Грузии, где после «революции роз» 2003 года состоялась массовая смена поколений в национальной политике. Новый политический класс сильно помолодел и он уже состоял не из бывших советских чиновников, а из выходцев из бизнеса, НПО, университетов, причем имевших преимущественно западное образование. Но при всем том, деноменклатуризации государственной бюрократии началась в Грузии гораздо позднее – после принятия парламентом в мае 2011 года «Хартии свободы». Только тогда начались люстрации государственного аппарата. В целом же политическая элита в Грузии менялась трижды. Это абсолютный рекорд постсоветского пространства.

Сначала старая советская номенклатура была смыта «революцией роз». К власти пришло поколение 90-х, жутко идеологизированное и жестко нацеленное на вестернизацию Грузии. Затем после парламентских выборов 2012 года оно было вытеснено правительством «Грузинской мечты». У власти оказалось еще более молодое поколение технократов, которые гораздо меньше были ориентированы на борьбу с советским прошлым, и относились к этому прошлому, скорее, как к музейному артефакту. Для них это часть музея политической истории, не более того, причем неживая и болезненная, как в странах Балтии.

Видимо, совершенно другой фактор двигал демократизацию Молдовы. Это культурная, этническая, историческая близость с Румынией. Этот тот самый случай, который Аркадий часто упоминает в своих выступлениях, обращая внимание на то, что еще в самом начале независимого развития граница Молдовы с Румынией была снята. И это был прорыв в Европу, стремление быть поближе к Западу, к каким-то историческим корням.

Мне не совсем понятно, и я хочу адресовать этот вопрос коллегам: «А почему Киргизия также двинулась путем демократизации? По крайней мере, почему в этой стране попытки утверждения авторитаризма как-то не прививались?» Есть какие-то примитивные объяснения на этот счет, связанные с отсутствием в Киргизии традиции властных вертикалей, и наоборот, с наличием равновеликих по силе и влиянию кланов, которые и создают некое пространство конкуренции. Но хотелось бы услышать что-то более аргументированное по поводу Киргизии.

Еще одна причина, не присущая Грузии, но весьма характерная для Украины и для Молдовы – это отсутствие сложившейся национальной идентичности, а

существование нескольких конкурирующих субидентичностей, борющихся за лидерские позиции и находящиеся в состоянии динамического равновесия.

Все перечисленные факторы в совокупности, опять-таки у каждой страны собственный их набор, определили стремление этих стран через демократизацию уйти отсюда, с постсоветского пространства, на котором господствуют авторитарные тенденции.

Но мне кажется, что все-таки борьба, соревнование между авторитарными и демократическими векторами развития - это не главное, что определяет современное состояние постсоветского пространства. А главным же, системообразующим критерием, сближающим все государства, расположенным на территории бывшего СССР, является наличие в их общественной структуре института власти-собственности. Он существует и определяет природу властных отношений, как при авторитарных режимах, так и при демократическом правлении, как в странах, где прошла приватизация и возникла частная экономика, так и в государствах, в которых сохранилась преимущественно государственная форма собственности.

Почему так получилось на постсоветском пространстве? Да потому, что новые правящие группы, которые монополизировали в своих руках контроль над властью и собственностью, оказались незаинтересованными в дальнейшем продвижении новых независимых государств к демократии и свободному рынку. Как впрочем, и в реставрации прежних социалистических порядков. Это еще впервые отметил американский исследователь Дж.Хеллман в 1997 года. Для этих правящих элит наступил их корпоративный «конец истории», если использовать название знаменитой статьи Фрэнка Фукуямы.

На самом деле существование этого института блокирует не только продвижение общества к демократии. Оно в принципе препятствует формированию любых социальных и политических акторов, которые были бы заинтересованы в дальнейшем развитии и модернизации этих стран. Поэтому мой ключевой вывод, если говорить о внутривластном развитии, заключается в том, что наличие института власти-собственности формирует некую общность, сближающую постсоветские государства. Благодаря этому их правящие элиты, несмотря на существование серьезных межгосударственных противоречий, заинтересованы во взаимной поддержке. Но при этом все они хотят сохранения status quo в своих странах, который только и может гарантировать удержание ими власти, а стало быть, и собственности. И по этой причине возникает главная, на мой взгляд, проблема постсоветских

государств, которую я бы обозначил как дефицит развития. Не дефицит демократии, а дефицит развития.

И в этой связи, как мне представляется, демократизация может стать импульсом к модернизации, но если только она переходит на следующую стадию развития. То есть выходит за рамки электоральной демократии, и идет по линии формирования демократии участия, создания независимого правосудия, деолигархизации экономической и политической жизни, создает условия для реализации социальных и гражданских прав человека. Иными словами, когда она перестает быть «бесплодной демократией» в терминах Тома Карозерса, а становится инструментом развития.

Поэтому еще раз подчеркну: на мой взгляд, ключевой проблемой постсоветского пространства является дефицит развития. Преодоление же этого дефицита возможно лишь при условии смены институционально-государственной модели, а именно в результате перехода от патронажного или патронажно-клиентеристского (в последней книге Генри Хейла 2015 года оно названо патронажным государством) к государству договорному. Я бы не стал обозначать его как Сервисный центр, поскольку государство не только оказывает услуги, но и имеет обязательства перед гражданами. Поэтому я говорю о договорном государстве. И мне представляется, что за всю 25-летнюю историю постсоветского пространства и стран, расположенных на этом пространстве, была предпринята только одна-единственная попытка и то лишь частично удачная попытка заменить патронажное государство на договорное. Это произошло в Грузии при президенте Михаиле Саакашвили, скорее даже на первом сроке его президентства.

Итак, как мне кажется, ключевая проблема этого пространства заключается в том, что у него нет внутренней динамики развития, что это пространство status quo. Зачастую разговоры о европейских реформах здесь используются лишь для того, чтобы, с одной стороны, создать некий географический, геополитический противовес или временный политический противовес влиянию России, а с другой, для получения финансовой помощи от западных стран. Хотя в последние годы во взаимоотношениях постсоветских стран с Европейским Союзом очень многое изменилось. Евросоюз больше не хочет быть тем добрым дядей, который ради антироссийской риторики со стороны реципиента западной помощи спонсирует разного рода сомнительные проекты и проекты без ясной перспективы. Но тем не менее желание попользоваться западной помощью без всяких ответных обязательств в столицах постсоветских стран пока остается.

И последний вывод в этой связи заключается в том, что пока общая проблема дефицита развития существует, то очевидно, можно и говорить о целостности постсоветского пространства как политико-географического региона мира.

На этом я закончу.